

Церковь и государство (1920-1930-е годы)

Тимофей Фетисов

Таганрогская земля с самого начала своего существования заняла совершенно особое, выдающееся положение в ряду других викарных кафедр Русской Православной Церкви. Это зависело главным образом от географических, социальных и геополитических условий жизни православия в Приазовье.

Мы наблюдали, что архипастырями Таганрога назначались выдающиеся иерархи, своими талантами и духовными дарованиями еще более поднимавшие его статус и значение. Среди них возвышаются такие святители, как архиепископы Иоанн (Поммер) и Арсений (Смоленец), митрополит Иосиф (Чернов).

Таганрог знал многих людей высокой духовной жизни, подвижников, благочестивых иноков, ревностных пастырей.

На этой благодатной почве можно было ожидать и большего расцвета, если бы наступившие общегосударственные перемены 1917-1930 годов не перевели церковь и общество в плоскость совершенно иных, непривычных доселе задач и целей, главной из которых было одно - просто выживание, не только духовное, но и физическое. Этому трагическому периоду посвящено данное исследование.

Как известно, в основу нового социалистического общества была заложена концепция государства атеистического. Вскоре после революции, 2 февраля 1918 года, был принят декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Церковь лишилась прав юридического лица, а ее имущество было объявлено национальным достоянием. Таким образом, фактически была объявлена конфискация церковного имущества. Масштабы возникшего в первые годы советской власти разрушения и грабежа церквей, чудовищного мародерства в Таганроге не поддаются описанию, поскольку в местных архивах не сохранилось скольконибудь точных данных. Но все-таки кое-что есть...

Первые систематические архивные сведения на этот счет датируются 1922 годом, в связи с изъятием церковных ценностей.

«Летом 1921 года, после ужасов гражданской войны, русский народ постигло еще одно бедствие - голод. Жестокая засуха дотла выжгла посевы в Поволжье и Предуралье, на юге Украины и на Кавказе. В конце года голодало 20 миллионов человек»

По данным уездной комиссии помощи голодающим (появившейся вместо комиссии, курируемой ранее патриархом Тихоном и посему распущенной 21 августа 1921 года постановлением ВЦИК), с января по май 1922 года число голодающих в Таганроге возросло более чем в 10 раз, а голодающих детей - почти в 30 раз. В июне в городе голодало 11.322 человека (при общем количестве населения около 80 тысяч), по районам уезда голодающих было 106.487 человек. В июле в целом по уезду голодных уже насчитывалось 148.999 человек. Таганрогский уезд определялся губернской комиссией как наиболее пострадавший.

Конечно, Церковь не могла остаться в стороне от народного горя. По призыву святителя Тихона в церквях объявлялись сборы продовольствия и денег на нужды голодающих. Впрочем, растущий авторитет Церкви не был на руку большевикам. Именно поэтому, как выражение генеральной политики государства, Таганрогский ликвидком рассылает всем райисполкомам циркуляр за №454 от 25 апреля 1922 года:

«Несмотря наряд посланных циркулярных распоряжений по отделению церкви от государства и школы от церкви, Райисполкомы, до сего времени не достаточно уяснили всю важность проведения декрета в жизнь. Имеющиеся сведения говорят о том, что на деле нет зоркого глаза за работой духовенства, которое проводило среди селянства свою черную работу, старалось всеми силами и дьявольскими молитвами замаскировать себя в красный цвет

и намечало планы постепенного духовного закрепощения селянства. Под этим видом духовенство, умеющее тонко одурачивать темные массы крестьянства, в котором еще не изжиты религиозные чувства и тяготения к церкви, старается выявить свое лояльное отношение к советской власти и предлагает свои услуги добровольного кружечного сбора на те или иные общественные нужды государства (культ-просветительные цели, в пользу беспризорного ребенка, в пользу инвалидов войны и т.д.)».

Аналогичное постановление было проведено духовенством на благочиническом собрании 26 марта с.г. в Чистякове:

«Усматривая в этом тонкую политику духовенства, Ликвидком настоящим категорически предлагает Райисполкомам ни в коем случае не допускать подобных явлений и не выдавать разрешения на какие-либо сборы среди верующих и крестьянства, независимо от того, на общественные ли это нужды или на содержание священнослужителей. Нужно твердо помнить, что церковь отделена от государства и в поддержке таковой не нуждается.

Райисполкомам необходимо взятый курс советской властью к осуществлению декрета твердой рукой проводить в жизнь. Никаких попустительств в этом отношении быть не должно. Самовольные сборы виновных лиц привлекать к ответственности, немедленно донося об этом Окрликвидкому.

Получение настоящего циркуляра и о мерах, принятых по данному вопросу, донесите».

В свете этого циркуляра местной власти становится особенно понятно, почему, несмотря на воззвание, которое патриарх Тихон издал 19 февраля 1922 года и в котором призывал церковно-приходские советы жертвовать драгоценные церковные украшения, не имеющие богослужебного значения, спустя лишь несколько дней, 23 февраля, ВЦИК издал декрет об изъятии всех церковных ценностей на нужды голодающих.

Вот как описывает ход изъятия его современник -таганрогский историк П.П. Филевский: «Изъятие церковных ценностей советской властью в городе Таганроге проходило очень грубо,... входили в алтарь в шапке, клали револьвер на престол, срывали оклады с икон и топтали их... Особенно усердствовал Филипенко (председатель президиума Таганрогского окружного исполкома - авт.). 3 мая 1922 года в соборе (Успенском - авт.) узнали о постановлении изъять серебряный ковчег. 10 мая, в воскресенье, священники объявили сбор серебра на вес ковчега, чтобы сохранить сам ковчег. Люди, несмотря на бедность, приносили что было: серебряные ложки, оклады с икон и плакали, глядя на лишенный драгоценных металлов иконостас...»

Пострадали и другие храмы викариатства.

Дальнейшему изъятию помешала погода: «Изъятие в городе закончено, в уезде - еще нет, ввиду выпавших сильных дождей и отсутствия дорог», - читаем мы в завершение отчета комиссии.

Последнее упоминание о деятельности комиссии встречается в циркулярах:

Циркуляр №254 Предгубликвидкома Ярощука всем Окружным отделам Управления Ликвидком-мов: «Комиссией по изъятию оставлены (под расписку) в некоторых храмах церковные ценности, которые по описи должны быть изъяты, но оставлены комиссией до замены таковых другими предметами религиозного культа. Все их следует изъять, предупредив за месяц до изъятия священников или церковные советы (8 декабря 1923 г.)»

Совершенно секретно, циркуляр председателя таганрогского Ликвидкома Заднепровского всем предрайисполкомам №182 от 22 декабря 1923 г.: «В ударном порядке провести изъятие оставшихся ценностей, так как срок изъятия истек еще 8 декабря 1923 г.»

По воспоминаниям П.Г. Москатова, бывшего членом комиссии: «Всего по Таганрогскому округу было изъято и отправлено 50 пудов золота, серебра, платины и большое количество драгоценных камней, изъятых главным образом из Таганрогского греческого монастыря и греческой церкви. За хорошо проведенную работу по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Таганрогский округ был отмечен нашим правительством благодарностью».

Куда же девались изъятые церковные ценности? В одном из отчетов комиссии говорится, что «пролетарские массы города и деревни об этом не информируются».

На основании постановления ВЦИКа от 6 сентября 1922 года дела по отделению Церкви от государства были переданы Наркоматом юстиции в ведомство НКВД. В Таганроге дела Ликвидкома были приняты отделом управления НКВД 28 октября 1922 года, а 29 декабря на основании указаний Губликвидкома была создана таганрогская ликвидационная комиссия при отделе управления НКВД в следующем составе:

председатель - Горшков Максим Федорович (1894 года рождения, работал слесарем, член ревкома);

секретарь - Заднепровский Александр Александрович (1896 года рождения, с 1915 по 1917 годы служил пулеметчиком в «старой» армии, «был православный», член ревкома);

член от ГПУ - Воробьев Серапион Михайлович (1895 года рождения, бывший моряк Балтийского флота, в графе анкеты «отношение к религии» написал - «аскет»);

член от Совнарсуда - Чеботарев Иван Тимофеевич (1880 года рождения, народный судья 1-го участка Таганрогского уезда).

Кроме того, в помощь комиссии назначались уполномоченные по районам.

Первым делом комиссии стал учет всех имеющихся в округе церковей и молитвенных домов и опись их имущества. При этом настоятелям и приходским советам предписывалось составлять договоры с советской властью о передаче верующим в бесплатное пользование национализированных церковей и их имущества.

Таким образом, уже к февралю 1923 года по Таганрогскому викариатству было учтено и передано в бесплатное пользование церковей и молитвенных домов - 61, монастырей - 1. Если учесть полное отсутствие сведений на этот счет на декабрь 1922 года, то можно заключить, что работа проводилась действительно ударными темпами и с изрядным большевистским задором. Несмотря на значительную февральскую активность Тагликвидкома, последняя получает выговор от председателя Губликвидкома тов. Ярощука за то, что разрешает пользоваться религиозным обществам печатями и штампами и «допускает споры о том, находиться в законном здании школе или молитвенном доме». Как бы оправдываясь, комиссия расширяет свою деятельность.

На этот раз она, пытаясь заручиться поддержкой общественного мнения, организует собрания рабочих заводов и служащих города, которые осуждают «опиум для народа» и выступают за закрытие церковей. На подобном собрании 5 апреля 1923 года, где присутствовало около 500 человек, конечные лозунги звучали так: «Паразитам нет места в социалистическом обществе», «Наше новое общество — разум, наша новая вера - вера в конечную победу пролетарской революции».

Все это проходило на фоне московской кампании осуждения патриарха Тихона, «суд над которым должен был состояться 7 апреля 1923 года на Пасху (какое кощунство!). Было ясно, что большевики готовятся к чему-то более решительному, нежели простые неубедительные диспуты. И вот грянул первый удар. В страстную субботу 1923 года, когда «Христос сошедши во ад духовом проповеда», когда и сам сатана устранился, - слуги его превзошли своего патрона: на объединенном заседании президиума Окрисполкома и президиума Горсовета г. Таганрога совершалось поистине адское действо. Тов. Амоль выступил с докладом о резолюциях, вынесенных «трудящимися» г. Таганрога (на общих собраниях в количестве около 8 тысяч человек) о немедленном закрытии «домов религиозного культа». Во исполнение «настойчивых просьб трудящихся» было вынесено постановление: «Закрыть греческий монастырь и церковь Михаила Архангела с предоставлением данных строений под культурно-просветительские нужды». Подписались: пред. уисполкома Прокофьева, пом. нач. ГПУ Двинянинова, нач. гарнизона Власова за секретаря президиума Уисполкома Заднепровского.

Уже на следующий день, 7 апреля, комиссия приступила к закрытию и опечатыванию означенных церковей. Надо сказать, что большевики действовали быстро и решительно, с сознанием правоты своего дела. «Греческий монастырь с 22 января 1922 года принадлежит УССР,

а не турецкому правительству», - говорил председатель Губликвидкома.

Но, несмотря на лицемерное указание широко оповестить массы, по всему видно, что власти действовали в режиме секретности, видимо опасаясь народных волнений. Как иначе объяснить тот факт, что за несколько дней до данного постановления отделом управления Адмотдела было выдано разрешение верующим на проведение крестного хода на Пасху в ограде Греческого монастыря?

Но бдительный народ трудно было обмануть. Слухи о закрытии поползли по всему городу. П.П. Филевский вспоминает, что, боясь закрытия на Пасху всех церквей, люди бросились с 4 часов утра освящать куличи и пасхи. Накануне всех этих событий в храмах началось массовое обновление икон, и это чудо привлекало в церкви толпы народа, так что священники, боясь ЧК, умоляли народ не распространяться об этом и не производить волнения.

Греческий монастырь был опечатан без всяких протестов со стороны верующих. Что же касается церкви Святого Архангела Михаила, то настоятель храма Высота, несмотря на приглашение комиссии присутствовать при опечатывании, демонстративно удалился. С церкви было снято 6 колоколов (переданные для усиления средств Воздухофлота»). Лишь 10-15 женщин с детьми с плачем пытались препятствовать закрытию. С ними разобрались довольно быстро, и через 10—15 минут рядом с храмом уже никого не было.

В этот же день вечером у здания Исполкома собралось много народу во главе со священником. Они требовали немедленно открыть церковь, но им было отказано.

Экстренный указ напуганного У исполкома гласил: «Президиум Уисполкома воспрещает на улицах г. Таганрога всякие сборища и скопления граждан, а также всякого рода шествия, нарушающие общественный порядок, и доводит до сведения, что меры против провокаторов приняты, и со своей стороны призывает всех рабочих и сознательных граждан к выявлению провокаторов и лиц, агитирующих против Соввласти, и к задержке таковых и направлению в органы ГПУ... Лица, не исполнившие настоящего приказа, будут подвергнуты строгой ответственности, вплоть до применения высшей меры наказания».

Но верующий таганрогский народ было трудно запугать, и, несмотря на аресты среди наиболее активных прихожан, от лица членов церковно-приходского совета Архангело-Михайловской церкви в Исполком 18 мая 1923 года было подано заявление в решительном тоне с ходатайством вновь открыть церковь и разрешить причту отправлять установленные службы и требы.

Ходатайство это было отклонено, но на какое-то время помогло сохранить церковь от дальнейшего разрушения. Вслед за этим в Таганроге началось массовое закрытие домовых церквей. Основанием этому послужил циркуляр НЕЮ (комиссар Скрыпник): «Домовые церкви закрыть, и все ходатайства об их открытии отклонять! ».

В течение 1923 года были закрыты все домовые церкви в зданиях бывшей Марининской женской гимназии, бывшей Александровской мужской гимназии, бывшего Острога, бывшего Богоугодного заведения и, как мы уже упоминали ранее, - в Александровском дворце. Их помещения были переданы под различные школы и учреждения. Закрыты были и часовни: при бывшем Палестинском обществе, обществе «Ясли», при съезде Воронцовского спуска. Материал от разборки часовень планировалось использовать в качестве строительного. Кладбищенская часовня, например, была использована на строительстве загса. Борьба с церковью усиливалась...

Видимо исчерпав все свое вынужденное терпение на малоэффективных антирелигиозных диспутах, так и не сумев убить веру в народе, власти в своем богоборческом запале пытались уничтожить все, что может хоть как-то лишний раз напомнить о Боге. Губликвидком своим приказом от 26 мая 1923 года постановляет: «Убрать все религиозные изображения из ресторанов, столовых, чайных и т.д. в течение 3-х суток».

Сентябрь 1923 года ознаменовался новым всплеском антирелигиозной кампании. Таг-ликвидком 17 сентября в совершенно секретном порядке разослал всем председателям рай-исполкомов следующий циркуляр: «Пора покончить с дурманящей умы народа религиозной пропагандой и закрепить позиции, завоеванные на антирелигиозном фронте... В тех населен-

ных пунктах, где есть несколько церквей или молитвенных домов, оставить только одну (молитвенные дома закрывать в первую очередь)»).

Всего же в период с 1922 по 1938 годы были закрыты следующие церкви:

1. Архангело-Михайловская церковь - закрыта в 1923 году и разобрана. Кирпич использован на строительстве Дворца культуры комбайнстроителей. 6 колоколов с нее было передано для «усиления Воздухофлота».

2. Александровская часовня закрыта в 1929 г.

3. Кресто-Воздвиженская домовая Архиерейская церковь, где с 1922 года размещались обновленческие епископы, - закрыта по постановлению Донского окрисполкома от 28 октября 1930 года и передана курсам ПВО.

4. Троицкая церковь - закрыта в 1930 году. Ее помещение передано под крытый рынок.

5. Церковь Святого Иоанна Предтечи - закрыта по требованию 400 рабочих кожевенного завода.

Горсовет поддержал это требование и, несмотря на убедительные просьбы прихожан и 682 поставивших подписей, 11 ноября 1931 года постановил: «Церковь Иоанна Предтечи закрыть, помещение использовать под кино клуб, бывшее церковное имущество изъять».

6. Храм Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла - закрыт в начале 1934 года. В помещении его разместились цыгане. П.П. Филевский сокрушался по этому поводу: «Татары с тринадцатого века не трогали религию, а нацмены двадцатого уничтожают». В 1936 году храм был разобран на кирпичи, которые пошли на постройку средней школы №29 г. Таганрога.

7. Успенский собор - пострадал в 30-х годах: «К 1934 году завершилось снятие с него колоколов, которые были сданы на переплавку для нужд промышленности». В 1936 году было сорвано золоченое покрытие куполов, а сам собор был закрыт и превращен сначала в склад, где помещалась изъятая из храмов города церковная утварь, а потом хранилось зерно. Наконец, в 1938 году храм был вовсе уничтожен, а на месте алтаря установлены общественные туалеты, но затем и они были заменены памятником Ленину, который находится там и поныне.

8. Митрофаниевская церковь, ставшая оплотом обновленчества, тем не менее была также закрыта 17 апреля 1933 года. В ней разместились артель с символическим названием, очень точно отражающим всеобщую деятельность безбожного государства по закрытию церквей - «Труд слепых». А 8 июля 1934 года горсовет определил: «Учитывая, что единственным местом для такого монументального сооружения, как городской театр, является Красная площадь, и принимая во внимание, что по проекту на этом месте намечено строительство театра, занимаемое ныне Митрофаниевской церковью, возбудить ходатайство перед ВЦИК о сносе храма». Храм был снесен лишь в феврале 1936 года, а вместо театра был построен крытый рынок-павильон «Молоко».

9. Церковь Святых Константина и Елены - закрыта 16 июля 1938 года, а 16 сентября того же года началась ее разборка на стройматериалы.

В середине 20-х годов одной из форм массовой борьбы с религией стал Союз добровольного общества безбожников. В Таганроге его отделение возникло в феврале 1926 года. За период с 1926 по 1928 годы было создано 37 ячеек Союза на предприятиях, в учреждениях и школах. Число членов достигло 1.310 человек. (Для справки: население Таганрога в то время составляло 88,5 тысяч человек.) Среди «безбожников» мужчин было 90 процентов, женщин - 10. Из них коммунистов - 38 процентов, комсомольцев - 23.

Знакомство с программами и отчетами Таганрогского добровольного общества безбожников показывает, что главным в его деятельности были вопросы выяснения классовой сущности религии, несовместимости религии со строительством социализма. Пропагандист должен был уметь показать так называемые противоречия в молитвах богатых и бедных, кулаков и бедноты, торговцев и потребителей, рассказать о богатстве Церкви до революции, о заботе о религии капиталистов и помещиков, на чьей стороне оказалась Церковь в годы Ок-

тябрьской революции, и тому подобные «перлы».

«Разные выступления безбожников - что-то жалкое и иногда смешное, - вспоминает П.П. Филевский. - На заводе, кажется 65-м, есть рабочий Васька, он ранее ездил на санитарных бочках, вывозил из отхожих мест. На собрании безбожников перед Пасхой он выступил. Ему поставили табуретку, так как он был мал ростом, и он сказал следующее: «Товарищи, я человек малограмотный, только подписать фамилию могу, по всей Европе веруют в Бога и даже ученые веруют, но я вам говорю - Бога нет», - и тем кончил».

Кроме Союза безбожников официальным проводником политики, идеологии новой власти являлась пресса. На страницах таких газет, как «Советский Юг» и «Трудовой Дон» появлялись многочисленные «разоблачительные материалы», которым отводилось особое место.

Некоторое ослабление темпов закрытия церквей последовало в 1930 году в связи с коллективизацией. По этому поводу 24 января 1930 года на имя председателя Таганрогского горсовета пришло секретное директивное письмо из Донского Исполкома, в котором, в частности, предписывалось: «Поскольку массовое закрытие церквей затрудняет кампанию по коллективизации деревни и весенней посевной и дает благоприятную обстановку кулацко-поповскому блоку на селе, категорически прекратить со стороны Горсоветов и Сельсоветов массовое закрытие церквей, особенно в селах и станицах в данный период проведения сплошной коллективизации».

Двадцатые годы стали не только временем начала репрессий, гонений на Церковь, а иногда и физического уничтожения духовенства. Не избежало этой участи и Таганрогское викариатство. Список репрессированного здесь духовенства и судьбы осужденных могли бы составить такой большой объем, что это должно было быть темой отдельного исследования. Мы же ограничимся описанием одного лишь, но достаточно характерного судебного процесса против Церкви, который в тогдашней печати получил название «Дело святых».

Как известно, в Таганроге и окрестностях существовала большая община почитателей местночтимого святого - блаженного Павла, который на протяжении всей жизни в Таганроге и после смерти был центром притяжения духовных сил, источником утешения, старческого совета и молитвенной помощи для многих христиан. На его могилке, в часовне, регулярно совершались панихиды при стечении множества простых богомольцев. Духовным лидером и организатором почитателей была Мария Величко, бывшая при жизни старца его верной послушницей. Духовное окормление общины осуществлял протоиерей Никандр Чудновский. Ядро составляли казначей Никита Барановский и еще 7 послушниц. Впрочем, не все таганрогское духовенство разделяло убеждение о святости старца, а модернистски настроенная его часть (настоятель кладбищенской церкви, где находилась часовня - отец Александр Курилов - обновленец, и благочинный Таганрогских церквей отец Александр Баландин, снявший после революции сан и ставший учителем) даже всячески препятствовала народному почитанию. Но более всего почитание блаженного Павла мешало местной советской власти. Постоянные чудеса и исцеления, совершавшиеся на могиле старца, становившиеся быстро известными во всем городе, сильно затрудняли борьбу большевиков с «религиозными предрассудками». Часовня святого Павла давно была бельмом в глазу еще молодой власти: безбожники и комсомольцы регулярно устраивали там свои показательные кощунственные оргии, но по-настоящему решительные меры были предприняты только в 1927 году, когда за дело взялся грозный ОГПУ.

8 ноября был арестован и заключен под стражу отец Никандр Чудновский по обвинению в принадлежности к «шайке вымогателей, вымогавшей у народа деньги, пользуясь его темнотой и прикрываясь мнимой святостью старца Павла». Почти сразу были арестованы и остальные члены актива общины.

«Дело» росло быстро. Протоиерей Курилов принял самое активное участие в работе ГПУ. В обвинениях не было недостатка. Главными были обвинения в шарлатанстве и, конечно, контрреволюционной деятельности. Узники отрицали все лжесвидетельства. Протоиерей Чудновский 7 февраля 1928 года направил краевому прокурору заявление, в котором

говорилось: «Еще менее состоятельно обвинение меня в контрреволюции на основании одной фразы, вырванной из моей проповеди и говорящей об упадке религии и нравственности в современном обществе... Мое же отношение к советской власти выражено ясно в других моих проповедях, в которых я призывал своих прихожан к повиновению власти и добросовестному исполнению своих гражданских обязанностей... И мне на старости лет приходится носить позорную кличку контрреволюционера, т.е. врага народа и народной власти, обвиняемого по ст. 58 п. 10 УК. Если за мной есть какая-либо вина, то она происходит не от моей злой воли, а по неведению». Подобные апелляции были написаны и другими жертвами.

Мария Величко: «Мне 76 лет, и всю свою жизнь я провела в молитве и общении с Богом. В политике ничего не понимаю... Я безграмотная и, согласно принципам Евангелия, я верю, «что нет власти, аще не от Бога», что таким образом агитация против существующей власти является тяжким грехом. Помимо того, что я дряхлая старуха, я к тому очень больная, и потому всякое наказание для меня сопряжено с исключительными мучениями и страданиями, и тем более я не в состоянии буду перенести всех перипетий высылки этапным порядком. На основании вышеизложенного я прошу Вас проверить все обстоятельства в моем деле и дело мое прекратить, дав мне спокойно умереть».

Такой почти плач престарелой, 76-летней подвижницы мог бы разжалобить кого угодно, но только не ГПУ. С чекистской методичностью сфабрикованное дело было доведено до конца и получило значительный общественный резонанс. Это был показательный процесс. Обо всех обстоятельствах дела писала в декабре 1927 года центральная газета «Красная Знамя». Сотрудник столичной газеты «Безбожник» С. Боннар, подписавшийся псевдонимом «А.Е. Хохряков», специально выезжал в Таганрог для знакомства с ходом следствия.

«Дело святых» стало, таким образом, известно и в Москве, и в Ленинграде. Это предопределяло то, что никакого снисхождения к «врагам советской власти» не будет.

Дело №163, как оно официально именовалось, было окончательно состряпано к 5 апреля 1928 года. Согласно заключению следствия члены общины обвинялись:

«1. В том, что с целью личной наживы и беспечно го существования они, создав из себя актив во главе с Марией Величко, систематически использовали религиозный фанатизм темной верующей массы, давая ей с целью исцеления для употребления в пищу землю, ладан из кадил, масло из лампадок, своеобразно лечили на мраморной доске и пр. На этой почве зарегистрировано несколько смертельных случаев. Для большего же укрепления веры в святость старца Павла (на чем они построили свое благополучие) в дореволюционное время пытались открыть его мощи, выпустить в свет книгу - описание его жизни, построенную на лжи и обмане, распространяли литературу Иоанна Кронштадтского религиозно-монархического содержания и т.д., а обвиняемый Чудновский вплоть до 1927 года выступал перед верующими с проповедями, направленными к укреплению этого актива, призывал и запугивал верующую массу больше чтить «старца Павла».

В том, что пытались легализовать свою преступную работу, инициатива и проведение чего в жизнь исходила от обвиняемых Барановского и помощницы Марии Величко - Лукьяненко Агрипины, ведавшей всем хозяйством и запасами этого актива.

Кроме того, обвиняются в том, что среди верующей массы вели контрреволюционную агитацию, направленную к подрыву государственного строя в Советской России. Теперь уже, в 1927 году, для этой цели они использовали землетрясение в Крыму. Проповедь, произнесенная обвиняемым Чудновским в этот период времени, носила антисоветский характер, что предусмотрено ст. 123 УК.

Под делом подписались:

Уполномоченный Логвинов

Начальник следственного отдела Малыгин

Начальник Таганрогского ОГПУ Бухбанд».

Суд проходил 13-16 июля 1928 года в Таганроге.

Окончательный приговор гласил: «Суд считает оставление в данной местности Марии Величко, Никандра Чудновского, Никиты Барановского, Агрипины Лукьяненко общественно

опасным в порядке ст. 23 и 35 УК, приговаривает применить к ним меру социальной защиты - выслать из пределов Северного Кавказа сроком на 3 года и штраф в 300 рублей с каждого». Послушницы были осуждены условно. На этот раз обошлось без расстрелов...

ЦГТБ имени А. П. Чехова